

Конанъ-Дойль въ роли Шерлока Холмса.

Анонимныя письма. — Подложныя доказательства. —
Надзоръ за пасторскимъ домомъ. —
Семь лѣтъ тюрьмы. — Аппеляція къ англійскому народу.

Конанъ-Дойль, — извѣстный всему свѣту сочинитель походовъ Шерлока Холмса, спустился недавно съ высоты фантазіи изобразилъ лично Шерлока Холмса, чтобы доказать невинность одного молодого адвоката, Георга Эдальи, присужденнаго въ 1903 году, совершенно несправедливо, къ 7 годамъ тюремнаго заключенія.

Со всей тонкостью своего ума Дойль собралъ всѣ улики, выставленныя противъ Эдальи, въ двухъ длинныхъ статьяхъ, которыя онъ предоставилъ въ распоряженіе англійскихъ газетъ, и убѣдительно доказалъ, что въ лицѣ Эдальи несетъ наказаніе за преступленіе другихъ невинный.

Несчастный, карьера котораго совершенно испорчена, уже отбылъ три года изъ назначеннаго ему наказанія, и теперь освобожденъ на честное слово.

То, что написалъ по этому дѣлу Дойль, можно прочесть, какъ одну изъ сочиненныхъ имъ уголовныхъ исторій, съ той только разницей, что тутъ ему не удалось обличить настоящаго преступника.

Преступленіе, въ которомъ обвиняется Эдальи, состоитъ въ томъ, что онъ въ ночь на 17-е августа 1903 года, въ Греть-Вирли, въ угольной копи, распоролъ животъ бывшему на пастбищѣ пони. Онъ обвинялся также въ томъ, что былъ коноводомъ шайки, которая въ прошедшіе мѣся-

цы убивала и уродовала такимъ же образомъ лошадей, коровъ и овецъ.

18-го августа Эдальи былъ арестованъ, но 21-го сентября 1903 года и 4-го февраля и 24-го марта 1904 года были открыты такія же преступленія, и былъ арестованъ и приговоренъ за нихъ къ 3 годамъ тюремнаго заключенія пьяница и грубіянь, углекопъ, по имени Фаррингтонъ.

Но никому не пришло въ голову сопоставить дѣянія Эдальи и Фаррингтона, хотя съ арестованіемъ послѣдняго всѣ названныя преступленія прекратились.

Георгъ Эдальи — сынъ викарія въ Гретъ-Вирли, близъ Вальзалль, въ Стаффордширѣ. Жители этого церковнаго прихода — частью крестьяне, частью рудокопы. Викарій Эдальи — парсь (индусъ); ему съ самага начала пришлось бороться со многими предубѣжденіями противъ его происхождения и цвѣта кожи, которыя онъ, однако, почти всѣ преодолѣлъ за 31 годъ своей пасторской дѣятельности и безупречной жизни.

Георгъ былъ старшій изъ 3 дѣтей пастора и родился въ 1876 году. Онъ былъ еще ученикомъ въ школѣ, когда въ 1888 году стали появляться въ пасторатѣ анонимныя угрожающія письма, и семейство викарія оскорблялось надписями на заборахъ и дверяхъ.

Подозрѣніе пало на Елизавету Фостеръ, служанку въ пасторатѣ; при разслѣдованіи дѣла защитникъ ея настоялъ на томъ, что она только сыграла глупую шутку, и судья оправдалъ ее, взявъ съ нея обязательство оставить впредь семейство Эдальи въ покоѣ.

Въ 1892 и до 1895 года викарія Эдальи опять стали безпокоить анонимными письмами, гдѣ открыто заступались за Елизавету Фостеръ, а Эдальи и его семью осыпали самыми грубыми, площадными ругательствами и страшными угрозами.

Конанъ-Дойль читалъ всѣ эти письма и пришелъ къ убѣжденію, что ихъ писалъ сумасшедшій.

Несмотря на всѣ старанія викарія и полиціи, никакъ не могли открыть сочинителя этихъ писемъ. Но въ письмахъ, которыя получала въ то же время и полиція, заявляли подозрѣніе на Георга, и начальникъ полиціи въ Стаффордширѣ, какъ это видно изъ его писемъ къ отцу Георга, раздѣлялъ это подозрѣніе. Такъ какъ полицію навели на фальшивый слѣдъ, то не удивительно, что она не могла найти настоящаго виновника.

Что болѣе всѣхъ попадало въ письмахъ Георгу и что отцу угрожали, что его накажутъ въ лицѣ его сына и сдѣлаютъ послѣдняго несчастнымъ на всю жизнь, — на это полиція не обратила вниманія. Это было такъ странно, что Дойль высказываетъ подозрѣніе, что нѣкоторые полицейскіе были заодно съ Фостеръ и ея друзьями.

Въ концѣ 1895 года письма вдругъ прекратились, и въ Вирли настало спокойствіе до 1903 года. Потомъ преслѣдованіе началось снова.

Въ продолженіе всей этой исторіи Георгъ жилъ у родителей и ѣздилъ каждый день въ Бирмингамъ, гдѣ изучалъ право съ большимъ успѣхомъ. Сначала онъ практиковалъ въ судѣ по сосѣдству, а потомъ сдѣлался адвокатомъ въ Бирмингамѣ, хотя жилъ все время у родителей.

Дойль описываетъ его, какъ примѣрнаго молодого человѣка: онъ не курить и не пьетъ, въ высшей степени прилеженъ и добросовѣстенъ и до такой степени близорукъ, что его можно назвать почти слѣпымъ. Болѣе неподходящаго человѣка Дойль не можетъ и придумать для того, чтобы итти въ темную ночь на пастбище, искать животныхъ и уродовать ихъ такимъ дьявольскимъ способомъ. Дойль прошелъ среди бѣла дня дорогу, по которой шель Эдалы ночью 17-го августа 1903 года. Она ведетъ поперекъ поля черезъ канавы, изгороди и желѣзнодорожныя

насыпи, такъ что ночью ее можетъ найти только человекъ, одаренный отличнымъ зрѣніемъ и знающій хорошо мѣстность. «Георгъ же, какъ пишетъ Дойль, — слѣпъ, какъ летучая мышь, да и послѣдняя имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что видитъ ночью».

Въ 1903 году опять стали появляться анонимныя письма, и въ то же время началось уродованіе скота.

Полиція получила письмо отъ одного школьника, по имени Греторексъ, гдѣ онъ выдаетъ себя и Георга Эдальи за виновниковъ преступленія. Но Греторексъ отрицалъ фактъ, что онъ — авторъ письма. Тогда у полиціи снова возникло подозрѣніе, что авторъ Георгъ Эдальи: онъ самъ пишетъ письма и обвиняетъ самого себя, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе. Было командировано 20 сыщиковъ, и за пасторатомъ наблюдали каждую ночь.

Вечеромъ рокового 17-го августа Эдальи воротился домой изъ Бирмингама въ половинѣ седьмого. Онъ занимался нѣкоторое время и въ половинѣ девятого пошелъ къ сапожнику Гандсу, въ Вирли. Его видѣли нѣсколько человекъ во время его пути туда и обратно. Въ половинѣ десятого онъ былъ опять дома, поужиналъ и легъ спать въ той же комнатѣ, въ которой спалъ его старый отецъ. Онъ заперъ дверь, какъ имѣлъ обыкновеніе всегда дѣлать это. Четыре сыщика дежурили цѣлую ночь у дома и не видали, чтобъ кто-нибудь выходилъ изъ него.

На утро нашли на пастбищѣ истекающаго кровью пони. Призванный ветеринаръ заявилъ, что рана совершенно свѣжая. Если бы она была нанесена животному днемъ раньше, то оно давно бы истекло кровью.

Кто же былъ виновникъ этого новаго позорнаго дѣла? Полиція утверждала, что она его знаетъ. Это — Георгъ Эдальи, говорила она. Она сдѣлала обыскъ въ пасторатѣ и нашла старое домашнее платье Георга, которое было, будто бы сыро, и на одномъ рукавѣ котораго были видны два

маленькихъ брызга крови, и бритву пастора, съ «кровавыми пятнами» на ней, которыя оказались потомъ самой обыкновенной ржавчиной.

На платье ветеринаръ нашель, спустя нѣсколько дней, 27 лошадиныхъ волосъ; но потомъ оказалось, какъ удостовѣряеть Дойль, что платье лежало вмѣстѣ съ кускомъ кожи убитаго пони. Выяснилось, что на Георгъ были надѣты, когда онъ вечеромъ вернулся изъ Бирмингама и былъ арестованъ, сапоги съ стоптанными каблуками, которые какъ разъ совпадали со слѣдами, оставленными виновникомъ преступленія; это заявила полиція на слѣдствіи.

Конанъ-Дойль приводитъ слѣдующее: Георгъ Эдальи былъ до половины девятаго у сапожника Гандса въ Вирли, и въ половинѣ десятаго былъ уже дома. По свидѣтельству сыщиковъ, наблюдавшихъ за домомъ всю ночь, никто не выходилъ изъ пастората. Отъ половины десятаго его алиби, стало быть, доказано. Онъ долженъ былъ совершить преступленіе въ одинъ часъ. Но пастбище лежитъ на разстояніи одного километра отъ Вирли. Эдальи долженъ былъ, такимъ образомъ, при своемъ плохомъ зрѣніи пройти до поля, потомъ назадъ въ Вирли и оттуда домой въ одинъ часъ, да и успѣть изувѣчить лошадь: невозможное дѣло.

Ветеринаръ говоритъ, что преступленіе могло быть совершено подъ утро, но Эдальи былъ дома уже въ половинѣ десятаго вечера.

А сырой сюртукъ?! Это былъ старый сюртукъ, который Эдальи носилъ дома; онъ не былъ надѣтъ на Георгъ, когда онъ пошелъ къ сапожнику. Да онъ и не былъ сырими, какъ показываетъ викарій Эдальи. Около полуночи пошелъ сильный дождь. Если-бы Георгъ, незамѣченный сыщиками, выскользнулъ подъ утро изъ дома и прошелъ въ сюртукъ отъ пяти до шести километровъ, то онъ былъ бы не только сыръ, но и насквозь мокръ. А слѣды, совпадающіе

съ сапогами Георга, могли быть сдѣланы только послѣ дождя. Показанія полиціи противорѣчатъ одно другому.

Во время процесса защитникъ Эдальи не выставлялъ на видъ всѣхъ этихъ пунктовъ и вообще, велъ дѣло неумѣло. Такимъ образомъ вышло, что присяжные придавали значеніе лишь показаніямъ полиціи противъ обвиняемаго, полиціи, которой требовался козель отпущенія! Они признали Эдальи виновнымъ, на основаніи этого приговорили его къ 7 годамъ тюремнаго заключенія.

Такъ какъ въ англійскомъ законѣ нѣтъ права обжалованія приговора присяжныхъ, то Эдальи пришлось отбывать свое наказаніе.

Дойль не говорить жесткихъ словъ, но у него можно прочесть между строкъ, что полиція сама фабриковала доказательства вины Георга.

Конанъ-Дойль, а также и всѣ, кто принялъ участіе въ Георгѣ, не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не разъяснится это дѣло.

Статья Дойля кончается воззваніемъ къ послѣдней инстанціи, — къ англійскому народу. Онъ спрашиваетъ, долго-ли будетъ терпимо нынѣшнее отправленіе правосудія, которое исключаетъ возможность обжалованія приговора присяжныхъ засѣдателей.

